

ОТЗЫВ

**официального оппонента доктора филологических наук, профессора
Гончаровой Евгении Александровны о диссертации
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Тришиной Марии Николаевны
на тему: «Маркеры неэкологичного общения в немецкой
этнолингвокультуре»
по специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(германские языки)**

Диссертация М. Н. Тришиной принадлежит к исследованиям, в основе теоретико-методологических установок которых лежит **актуальный** для современной лингвистики подход к изучению языка с позиций так называемой лингвоэкологии, **новой области языкознания**, интенсивно развивающейся в последние десятилетия в нашей стране и за рубежом.

Лингвоэкологические исследования можно считать перспективным направлением лингвистики, так как они позволяют, с одной стороны, углубить общие представления о закономерностях взаимодействия между языком, его носителем и окружающей человека природной, техногенной и социальной средой. С другой стороны, они делают возможным не только выявление и научное описание «токсичных» факторов языковой и внеязыковой (этнокультурной, социальной, эмоционально-психологической и др.) природы, отрицательно влияющих на протекание процессов речевой коммуникации и препятствующих кооперативной интеракции ее участников, но и объяснение характера их деструктивного влияния на язык и его носителя.

Актуальность и **новизна** диссертации М. Н. Тришиной состоят в том, что языковые и речевые маркеры «неэкологического общения» впервые в отечественной германистике анализируются и систематизируются на материале разных дискурсивных практик современной немецкой этнолингвокультуры, в которых, как убедительно показывает диссертантка, по причине интенсивной глобализации, притока эмигрантов и обусловленной этим мультикультурности возрастает число конфликтогенных коммуникативных ситуаций с «неэкологичным» социально-речевым поведением коммуникантов.

Об **актуальности** диссертационного исследования М. Н. Тришиной свидетельствует и то, что научное диагностирование «диссонирующих форм»

немецкоязычного общения осуществляется в нем в логике методологических установок и посредством методик современной отечественной и зарубежной антропоцентрической лингвистики, с учетом данных смежных гуманитарных наук (культурологии, социологии, политологии).

К наиболее существенным **результатам исследования**, полученным **лично соискателем** и обладающим **новизной**, можно отнести следующие:

- уточнение определения и коммуникативно-прагматических параметров неэкологичного общения как оппозиции гармоничной речевой коммуникации на базе основательного реферативного обзора авторитетных теоретических источников по проблемам лингвоэкологии и собственных эмпирических наблюдений автора диссертации;

- выделение двух групп языковых и речевых маркеров немецкоязычной неэкологичной коммуникации: *интернальных*, вырабатываемых внутренними ресурсами языка, и *экстернальных*, возникающих в немецкой этнолингвокультуре под влиянием других этнолингвокультур;

- выявление в группе интернальных маркеров неэкологичного общения в современной социальной практике ФРГ наиболее типичных для него лингвотоксинов (вульгаризмов, лексико-семантических единиц и высказываний с диффамирующей и дискриминирующей прагматикой, коммуникативно-речевого паттерна «двойное сообщение» (double bind), гендерных указателей, высказываний с прагматическим эффектом «ноцебо» в медицинском дискурсе) и систематизация их деструктивных функций, блокирующих либо деформирующих определенные аспекты социально-речевого поведения людей;

- установление негативных персуазивных функций таких «неэкологических» коммуникативно-речевых тактик искажения информации высказывания, как вуалирование фактов, эвфемизация, предвзятая семантизация лексических единиц (затушевывание, нивелирование значения и др.) в отдельных видах дискурсивных практик современного немецкого общества;

- интерпретация процессов обеднения и эвтрофикации языковой экосистемы как следствия экстернального «загрязнения» разных коммуникативно-функциональных сфер современной немецкой этнолингвокультуры социально-речевыми гибридными образованиями *Denglisch* и *Kanakisch-Deutsch*.

Перечисленные результаты проецируются на все шесть положений, выносимых на защиту, служат их обоснованием, а также определяют в совокупности **теоретическую значимость** проведенного исследования и разработанной в нем научной процедуры анализа лингвотоксичных маркеров неэкологического общения для дальнейшего развития отечественной лингвоэкологии, изучения основополагающих принципов речевой организации экологичной vs неэкологичной коммуникации как внутри других этнолингвокультур, так и в их взаимодействии между собой.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что представленный эмпирический материал и результаты его интерпретации могут быть использованы при разработке тематики и содержания пособий по повышению речевой грамотности и развитию культуры речи на разных языках, а также в университетских лекционно-семинарских курсах и спецкурсах по теории и практике речевой деятельности и коммуникации, межкультурной коммуникации, анализу текста и дискурса, на практических занятиях по немецкому языку

Убедительность и достоверность результатов исследования обеспечиваются обширностью интерпретируемого текстового материала (более 600 примеров, полученных с помощью метода сплошной выборки из аутентичных текстов большого числа дискурсивных практик на немецком языке; список электронных источников языкового материала содержит 100 позиций); использованием авторитетных немецкоязычных толковых словарей и корпусов: dgd.ids-mannheim.de; duden.de; dwds.de; wahrig.de; wortbedeutung.info; применением комплекса взаимосвязанных и дополняющих друг друга методов исследования, соответствующих теоретико-методологическим основаниям, предмету, цели и задачам исследования; опорой на внушительный список теоретической литературы по проблемам лингвоэкологии (252 источника, из них 122 на английском и немецком языках).

Композиционная структура диссертации адекватно отражает отдельные направления и ход исследования, его частные выводы и общие положения. Работа объемом 179 страниц состоит из введения (с. 4-14); трех глав и выводов к ним (с. 48-138); заключения (с. 139-144), библиографического указателя (с. 145-171) и списка электронных источников языкового материала (с. 171-179).

В первой главе «Теоретические предпосылки исследования» (с. 15-47) с опорой на труды авторитетных представителей зарубежной, прежде всего немецкой, и отечественной лингвоэкологии определяются исходные методологические позиции автора, состоящие в применении, с одной стороны, основных исследовательских принципов экологии к изучению языковых явлений в процессах внутреннего и внешнего «присвоения» себе языка человеком, а с другой – к решению проблемных экологических вопросов через призму лингвистики. Здесь же очерчиваются границы проблемного охвата и концептуального аппарата лингвоэкологии, обеспечивающие научное описание языка как антропоцентрической экосистемы в силу его *ситуативности*, *динамичности* и *адаптивности* к окружающей природной и социальной среде (в перечень можно было бы добавить *диалогическую открытость* и *экспланаторность* языка). На этом фоне сопоставляются когнитивные и коммуникативно-прагматические параметры *экологичного общения*, позитивно влияющего на отношения «человек – мир», и *неэкологичного*, препятствующего удовлетворению экзистенциальных и функциональных потребностей носителей языка.

Во второй главе «Интернальные маркеры неэкологичного общения в немецкой этнолингвокультуре» (с. 48-121) выявляются отдельные группы языковых и речевых сигналов деструктивного общения, так называемых лингвотоксинов, которые рождаются из внутренних ресурсов немецкого языка. Как показывает анализ, проведенный М. Н. Тришиной, лингвотоксины потенциально связаны с такими системными языковыми явлениями, как функциональная и эмоционально-оценочная стратификация лексического состава; полисемия и обусловленное ей наличие большого числа альтернативных лексико-семантических единиц и лексико-синтаксических моделей, делающих возможным их дискурсивно-ситуационные модификации и переосмысление; потенциальное насыщение вербального коммуникативного контекста пейоративными смыслами с разной степенью и разным (расистским, антисемитским, сексистским и др.) характером дискредитации и унижения прямого диалогического адресата, а также отдельных личностей и социальных групп, входящих в дискурсивно-тематическое поле (текстовых) высказываний.

В разделе 2.6 (с. 109-118) специально рассматриваются маркеры немецкоязычного неэкологичного общения, создающие эффект произвольного «смещения» адресантом семантико-прагматической перспективы высказывания и, как следствие, манипулятивного изменения содержания информации по поводу актуальных социальных проблем и отдельных представителей социума (вуалирование, приукрашивание фактов; сознательная неверная интерпретация значения отдельных речевых единиц и / или целостных высказываний и др.). Интерес представляют и наблюдения автора над все более актуальными в наше время процессами проникновения в современные дискурсивные практики лексико-синтаксических единиц, семантически замещающих естественные признаки человека понятиями из сферы машинной и компьютерной техники, что создает неэкологичный паттерн (речевого) поведения (с. 118).

Третья глава «*Экстернальные маркеры неэкологичного общения*» (с. 122-138) посвящена тенденциям, во-первых, перенасыщения современного социально-речевого дискурса в разных сферах деятельности людей в ФРГ модными словами-англицизмами. Подобный речевой гибрид, обозначаемый в немецкой лингвоэтнокультуре как *Denglisch*, нередко создает в немецком социуме – как демонстрируют приводимые в диссертации примеры – ситуации когнитивного и коммуникативного диссонанса. Вторым, типичным для немецкой лингвоэтнокультуры, внешним фактором дискурсивно-речевого «загрязнения» языка служит этносоциолект *Kanakisch-Deutsch* – гибридное использование в речевой практике общества немецкого и турецкого языков. Само это обозначение стало со временем метонимией проникновения в немецкий устный социально-речевой дискурс элементов иноязычных речевых практик, сопровождающегося разнообразными девиациями немецкого литературно-разговорного языка, примеры которых интерпретируются на с. 132-136 диссертации.

Дискуссионные моменты исследования М. Н. Тришиной, по которым хотелось бы получить дополнительные пояснения диссертантки, заключаются в следующем.

1. Во 2-й главе на примере двух видов дискурса: песенного и политического (с. 48-64, раздел 2.1.), – в качестве «коммуникативных токсинов» рассматривается так называемая «вульгаризированная лексика». Семантика самого словосочетания «вульгаризированная лексика», которое не используется в строгом

терминологическом значении ни в лексикологии и лексикографии, ни в функциональной стилистике, требует, на наш взгляд, более дифференцированного толкования. На с. 52 отмечается, что «необходимым условием для отнесения слова или выражения к данной категории являлась фиксация соответствующих помет «vulgär», «derb», «salopp», «abwertend», «derb diskriminierend», «spöttisch», «abschätzig», «herabwürdigend», «diskriminierendes Schimpfwort», «familiär» в авторитетных немецкоязычных лексикографических источниках (Duden, DWDS)». Но названные пометы не равнозначны: они указывают на разные типы «стилистически сниженной» субстандартной лексики. Как известно, стилистически маркированная лексика представляется в лексикографии и стилистике по принципу иерархической вертикали. В центре сечения этой вертикали находится стилистически нейтральный слой («нулевой уровень»), а пометы, называемые М. Н. Тришиной, означают разные ярусы либо диастратического (соотнесенного с разными социолектами), либо диафазического (касающегося определенных коммуникативно-речевых ситуаций, или так называемых ситуолектов) расслоения, лежащие ниже этого «литературно-разговорного» уровня. Не все из них (например, «familiär», «salopp», «derb») содержат эмоциональный пейоративный компонент, служащий базой для инвективы, с которой диссертантка связывает «вульгаризированную лексику». Например, слово *Kanake* не является в строгом лексикографическом смысле вульгаризмом, имея помету „ugs.abwertend“. Сюда же можно отнести и используемые в этом разделе в качестве примеров «вульгаризированной лексики» слова *Weib*, *Clown*, *Homo*, *Bulle*, *Knast*, *Ratte*, *labern* / *labbern* и др., получающие в разных дискурсивных практиках и коммуникативно-речевых ситуациях коннотации, неоднозначные в плане их «лингвотоксичности».

2. Избранные в качестве языковой базы для демонстрации неэкологичного общения с частым употреблением вульгаризмов песенный (точнее, тексты популярных немецких рэперов Bushido и Gruz) и политический дискурсы – два принципиально разных типа дискурса в экосистеме человека, требующие к себе разного функционально-антропоцентрического подхода. Рэп-дискурс входит в молодежную субкультуру, которая, как известно, выражает большую или меньшую степень оппозиционности по отношению к официальной культуре, имеет

собственную систему норм, ценностей и стереотипов, а также характеризуется неформальным стилем поведения, в том числе, и речевого, отличающегося разного рода стилистическими девиациями. При этом девиантность речевого поведения, распространяющаяся и на интенсивное использование сниженной лексики в «модусе формулирования», или стиле, не воспринимается внутри этой социальной группы как нарушение правил «экологичного общения», а является приметой их «экзистенциальной территории», то есть пространства, где индивидуальность и коллективность переплетаются и взаимодействуют друг с другом, если воспользоваться словами философа-эколога П.-Ф. Гваттари. Частые девиации с вектором лексико-семантического снижения – это здесь «важный факт социальной символики» (по Ш. Балли). Они служат сигналом осознанного речевого приспособления представителей молодежной субкультуры к специфической «среде» и «обстоятельствам», прагматика которых состоит не в последнюю очередь в том, чтобы отличаться от признанных (коммуникативно-речевых) образцов и создать эффект фраппирующей новизны и раскованного живого общения.

Политический же дискурс, представляя собой тип институционального общения, протекающего в предписанных рамках (управляемых) социально-ролевых отношений, по определению требует от его представителей большей толерантности и менее резкого характера инвектив (в случае их использования), которые, однако, более болезненно воспринимаются их адресатами.

3. Наше следующее замечание связано с двумя первыми. Оно касается необходимости (не во всех случаях последовательно соблюдаемого автором диссертации) учета такого важного для лингвоэкологических исследований динамического понятия, как *норма*, и разграничения, с одной стороны, *языковой нормы* (некого образца единообразного, общепризнанного использования единиц языка в определенный исторический период), а с другой – *нормы речевого поведения*, т. е. использования ресурсов языка, *целесообразного* и *уместного* для конкретных коммуникативных ситуаций, иначе, *оптимального* с точки зрения ее участников.

Поэтому, например, остается не вполне ясным заключительный тезис (при этом со ссылкой на чужое мнение) в разделе 2.4 о маркерах гендерного расслоения языка

(с. 89-104): «... проанализированный эмпирический материал по заявленной проблематике демонстрирует порой изматывающую и монотонную работу (Diversity-Tretmühle), которая ведется над сформировавшимся языковым конструктом» (с. 104). Можно ли все случаи в этом материале считать примерами «неэкологичного общения»? И всегда ли современный гендерный язык следует рассматривать «в качестве маркера неэкологичного общения, который сексуализирует и искажает немецкий язык» (с. 36), как считает диссертантка?

4. Последнее замечание касается неточной, на наш взгляд, интерпретации или перевода некоторых примеров. В частности, приведенные на с. 73 примеры включают не только метафоры, как считает диссертантка, а содержат метафорические сравнения и метонимии; „mechanistisches Sprach-Welt-System“ (с. 116, 118) – это не «механистическая языковая система», а «механистическая языковая картина / образ мира»; слово *Nafri*, рассматриваемое в разделе об эвфемистических словах и выражениях, является не эвфемизмом, а дисфемизмом (от *Nordafrikanischer Intensivtäter* – североафриканский серийный преступник).

Высказанные замечания носят дискуссионный характер, не касаются кардинальных положений диссертации и не снижают общего положительного впечатления от работы, представляющей собой самостоятельное завершённое исследование на заявленную тему.

Автореферат и 10 публикаций, из них 4 в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности, отражают основные научные идеи и практические результаты исследования. Текст автореферата и текст диссертационного исследования содержательно взаимосвязаны и не противоречат друг другу.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (по филологическим наукам), а именно следующим ее направлениям: лингвоэкология, лингвопрагматика, теория и практика текста и дискурса, дискурсивные практики в зарубежных этнокультурах, межкультурная коммуникация, а также критериям, определенным п.п. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном

университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель **Тришина Мария Николаевна** заслуживает присуждения **ученой степени кандидата филологических наук** по специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки).

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Гончарова Евгения Александровна

09.10.2025 г.

Контактные данные:

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.02.04 – Германские языки

Адрес места работы:

191186, г. Санкт-Петербург

наб. р. Мойки 48, корпус 14, ауд. 213

Институт иностранных языков РГПУ имени А. И. Герцена

тел.: +7 (812) 571-39-20 (доб. 210), e-mail: germ@herzen.spb.ru